

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алимов Т.Э. Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков) // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43728 EDN: CEDYOA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43728

Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков)

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43728

EDN:

CEDYOA

Дата направления статьи в редакцию:

06-08-2023

Аннотация: Настоящее исследование посвящено эвфемистическим номинациям, созданные по прагматическому принципу вежливости, которые содержат национально-культурную информацию. Объектом исследования выступили эвфемизмы гендерной тематики (около 100 единиц), полученных методом сплошной выборки из наиболее репрезентативных толковых словарей узбекского, русского и английского языков. Предметом исследования является лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики. Цель исследования – выявить лингвокультурную специфику эвфемистических номинаций гендерной тематики. Поскольку эвфемистические субституты используется в определенном сообществе и находится под влиянием социокультурных факторов, они сильно отмечены социокультурными особенностями, используемых представителями мужского и женского пола узбекского, русского и английского общества. С помощью кросскультурного метода мы обнаружили, что помимо идиосанкратического национального контекста, в языковых системах существуют явления, как универсальные, так и дифференциальные, включая

семантические универсалии и лингво-прагматические максимы. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе, который позволяет выявить универсальные и дифференциальные подходы использования эвфемистических номинаций в разных культурах и социальных контекстах. Это новаторский подход, который способствует толкованию, как социолингвистические факторы влияют на формирование и употребление эвфемизмов в разных языках. Результаты исследования показали, что гендерно-вежливые концепты, которые возникли в рамках политкорректной идеологии, способствуют сохранению когнитивного пространства коммуниканта, признавая права женщин и выражая уважение. Они предотвращают оскорбления, но не обязательно являются искренними выражениями симпатии и интереса, скорее, как показал анализ исследования это формальные и этикетные конструкции. Доказано, что специфика национальной культуры и особенности образа жизни узбекского (в семейных отношениях члены семьи мужского пола именуют женский пол определенными словоформами), русского и английского народов, а также уникальные черты их менталитета, являются основой использования эвфемистических номинаций для описания гендерно-тематической группы.

Ключевые слова:

эвфемистическая номинация, прагматический принцип, категория вежливости, лингвокультурологические факторы, национальный менталитет, ключевой культурный концепт, гендерный показатель, политическая корректность, лингво-прагматические максимы, концепт

1. Введение

В настоящее время гендерный параметр играет значительную роль в англоязычном обществе, особенно в американском, где феминистское движение стимулировало распространение политической корректности, которая влияет на формирование языкового дискурса. Интерес представляет проявление и фиксация «женского образа» в эвфемизмах, которые создаются с учетом принципа вежливости. Также важны изменения, которые вежливость индуцировала под видом политкорректности (особенно с гендерной составляющей) в современный английский, русский и узбекский языки в свете пропагандируемой толерантности, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Для достижения указанной цели требуется решение следующих задач: 1) отобрать эвфемистические номинации гендерной тематической группы из узбекоязычных, русскоязычных и англоязычных эвфемистических словарей; 2) рассмотреть реализацию эвфемистических номинаций, с точки зрения прагматического принципа вежливости; 3) определить причины национально-культурной специфики номинации изучаемой гендерной тематики носителями двух языков и выявить дифференциальные и универсальные признаки, включая семантические универсалии и лингво-прагматические максимы.

В качестве основных методов исследования выступили метод сплошной выборки, описательный, анализ словарных дефиниций, и кросскультурный метод.

2. Основная часть

В настоящее время не существует сомнений в том, что на языки влияет культура,

традиции, религия, психологическая ориентация и другие социальные факторы народов. Любое развитие в одной из этих областей будет отражаться в выразительном инструменте - языке. Одним из культурных отражений в языке является попытка говорящих или пишущих скрыть определенные слова или выражения, запрещенные в общественных местах отдельными людьми, социумом или религией. Этот процесс и есть то, что лингвистически называется эвфемистической единицей. В последние десятилетия наблюдается увеличение интереса к изучению явления эвфемии. Исследователи стремятся выявить закономерности функционирования эвфемистических выражений и описать их этно- и социокультурные особенности. С учетом распространения политкорректности особенно важным становится изучение гендерного аспекта эвфемизации.

Исследование эвфемии, в первую очередь, связано с прагматическими принципами, которые служат основой порождения эвфемистических номинаций. Само определение эвфемизма подчеркивает, что основной мотивацией для говорящего использовать эвфемистические единицы является вежливость. Вопрос вежливости является одной из важнейших и продуктивных областей исследований в прагматике и социолингвистике.

Рассмотрим определение эвфемизма, данное К. Алланом и К. Барридж, которое устанавливает прямую связь между эвфемистической единицей и известной теорией вежливости Брауна/Левинсона. Ученые определяют феномен эвфемизма «как выражение, используемое в качестве альтернативы не предпочитаемому выражению с целью избежать возможной потери лица: либо говорящего, либо аудитории, либо какой-либо третьей стороны» [18]. Необходимо отметить, что эвфемистические номинации, служащие инструментом предотвращения возможных коммуникативных неудач в процессе общения, «содержат информацию о моральных ценностях и этических прескрипциях общества» [15, с. 32-33]. По замечанию Г.Ш. Шерматовой «национальная форма складывается посредством специфических элементов, признаков и черт, обладающие интернациональным характером, например, этика и эстетика» [17, с. 45].

Следовательно, эвфемистические единицы представляют собой одно из множества языковых средств, которые используются для выражения вежливости. Как и эвфемия, «вежливость имеет прагматическое значение, и она учитывает потребности адресата. Использование эвфемизмов и вежливых форм обычно обусловлено моральными побуждениями и стремлением избежать конфликтов» [4, с. 48].

В сущности, в случае с эвфемизацией часто применяется принцип вежливости, который является одним из основных принципов прагматики. Данные эвфемизмы, как правило, используются для смягчения упоминания о различных физических и умственных недостатках.

Исследование акцентирует внимание на прагматических особенностях создания и употребления «гендерно-вежливых» эвфемистических единиц сопоставляемых языков. Под «гендерно-вежливыми» эвфемистическими номинациями мы понимаем словоформы, которые создаются и используются с учетом принципа вежливости при обращении к лицам женского/мужского пола (в данном случае - женского).

В нашем случае более точное определение принципа вежливости мы находим у русской исследовательницы Т.В. Лариной, которая дефинирует вежливость как «универсальную коммуникативную категорию, составляющая систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и

соответствующих ожиданиям партнера» [\[11\]](#).

С точки зрения широкого подхода, вежливость определяется «как тип социального взаимодействия, в основе которого лежит, с одной стороны, уважение к личности собеседника, к его мнениям, интересам и желаниям и стремление к предотвращению возможных конфликтных ситуаций и, с другой стороны, презентация языковой компетенции самого говорящего как хорошо воспитанного члена данного общества. Соблюдение принципа вежливости направлено на достижение максимальной эффективности социального взаимодействия» [\[2, с. 3\]](#).

При обсуждении лингвистических средств, которые используются для выражения идеи вежливости, необходимо отметить, что «...во всех языках всех культур есть система лингвистических средств, в которых закреплено значение неприкосновенного отношения к социальному облику личности» [\[22, с. 56\]](#). Основу данных средств выражения составляют «застывшие формы обращений, кодифицированные средствами прономинальной и глагольной систем языка; свободные формы обращений (имена, титулы, звания и т.д.); стереотипные этикетные формулы» [там же, с. 57].

Тем не менее при анализе понятийного аспекта эвфемии нами было обнаружено, что определенные эвфемистические концепты могут быть обусловлены религиозными или регулятивными факторами, а также стремлением сохранить информацию в сокрытом виде от реципиентов. Таким образом, принцип вежливости представляет собой один из множества факторов, которые влияют на использование эвфемистических единиц.

Так, в узбекском языке корень эвфемистического концепта тесно связан с религией. В мусульманской религии говорить плохие слова, даже расстраивать кого-то прямыми словами считается грехом. Мусульманин должен уважать и говорить красивыми, добрыми, приятными словами. В результате многие грубые, неприятные слова заменяются более положительными, чтобы избежать недопонимания между говорящим и слушающим. Это также заметно между родителями и детьми, женой и мужем, пожилыми людьми и молодежью.

Например, в узбекском дискурсе, в семейных отношениях члены семьи мужского пола строго имеют уважение среди женского пола, тем, что «религиозные воззрения и традиции воспитания в узбекской семье обязывают мужчин быть кормильцами для женщин, и в обмен на поддержку женщины должны быть послушными и служить своим мужьям, отцам и сыновьям. Они должны сохранять девственность, а после замужества верность, целомудрие и полная преданность своим мужьям являются предпосылками для обеспечения содержания. Женщины считаются слабыми и легко подавляемыми мужчинами. Поэтому они нуждаются в защите от сильных желаний мужчин» [\[1, с. 52\]](#), в связи с чем нашли отражения некоторые концепты, которые отсутствуют в русском и английском языках. Они относятся к табуированным личным именам (муж, тесть, свекровь и зять) в семейных отношениях и запрещают их использование. Так, первичным концептом **хотин** (жена) являются **умр йолдоши** (спутница жизни), **жуфт халол** (пара), **аёл** (жена), (невеста), **келинтурмуш ўртоғи** (супруга). У жен также есть несколько исходных номинаций, таких как: **онаси** (мать моих детей), **рафиқам** (моя любимая), **болларим** (моя семья), **турмуш ўртоқ** (спутница моей жизни), **жуфти халолим** (моя вторая половинка). Английские мужчины называют своих жен **my sweetest** или **my sweetie**.

Свекровь зовется **ойижон**, **айяжон** (моя дорогая мама). Свекра зовут **дадажон**, **адажон** (мой дорогой отец). Однако носители английского языка называют сторону

своего мужа просто своим именем, например, **Mr. Kevin, Mrs. Kate**. Даже коннотация **bride** в сопоставляемых языках толкуется по-разному. В узбекской культуре концепт **келин** (невеста) несет гораздо большую ответственность в семье мужа. Она должна учитывать каждую мелочь: приготовление еды, работу по дому, уход за детьми, уход за членами семьи, предметы домашнего обихода и всегда быть в хорошем настроении. По этой причине невеста эвфемизируется ментальной единицей **келинпоша** (царица-невеста), **келинчак** (милая невеста). Однако английских и русских невест не волнуют такие обязанности в семье мужа. Они следуют демократическим идеям в семейных отношениях [\[20\]](#).

Когда речь заходит о табуированных словоформах, говорящие проявляют поведение, которое подразумевает существование прямой связи между физическим обликом слов и их запретным значением. Это объясняет, почему данные номинации так нестабильны и обладают довольно мощным эффектом.

Сопоставляя эвфемии и вежливость, Г.А. Вильданова приходит к выводу, что они не являются синонимами, «вежливость стимулирует использование лишь определенных групп эвфемизмов. В некоторых случаях вежливость является «магистральным» фактором, диктующим использование эвфемизмов, в некоторых – она выступает как «сопутствующий», второстепенный, и мы можем наблюдать комбинаторность нескольких факторов» [\[4, с. 47\]](#).

Е.П. Иванян проводит сравнение и разграничение эвфемии и вежливости (в контексте русского языка) и считает, что многие средства выражения вежливости часто ошибочно смешиваются с эвфемистическими единицами, так «формы обращения (замена ты на вы), слова с уменьшительными суффиксами, сравнительная степень качественного прилагательного и наречия с приставкой по-, глагольные формы с приставкой под-» [\[8, 11\]](#), ученый добавляет, что, данные лексемы реализуются в виде смягчающих, и вежливых форм, однако «не обладают отрицательным денотатом и вследствие чего не являются эвфемизмами» [там же, с. 12].

Тем не менее стоит добавить, что узбекскому дискурсу характерна речевая этика, которая предписывает не обращаться к взрослым по имени, а использовать концепты обращения **ота** (папа), **отахон** (папочка), **она** (мама), **онахон** (мамочка), **буви** (бува) (бабушка), **бобо** (дедушка), **момо** (бабуля)» [\[1, с. 56\]](#), которые содержат признаки эвфемизации. Данные формы обращения эвфемизируются путем использования номинативного подхода, при котором чужой человек называется близким, и при этом добавляются субъективно-оценочные окончания **-хон, -жон**.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина «при исследовании культуры речевого общения и речевого этикета выделяется понятие «коммуникативное табу», представляющее собой запрет на употребление слова, выражения, фразы в какой-либо ситуации, либо запрет на затрагивание, обсуждение определенных тем, проблем в тех или иных ситуациях» [\[13, с. 101\]](#), что побуждает к использованию эвфемистических номинаций. Несмотря на это, исследователь Е.П. Иванян добавляет, что условием реализации средств категории вежливости в виде эвфемизации является присутствие стигматизированного денотата «(например, «подойдет» вместо «опаздывает»)» [\[8, с. 65\]](#). Таким образом, если существует потребность не только в смягчении, но и «улучшении» отрицательной коннотации, то при помощи любого языкового средства принципа вежливости может быть использовано в качестве процесса эвфемизации.

3. Анализ и результаты исследования

Использование традиционных эвфемистических номинаций, которые широко распространены в рекламе, художественной литературе и СМИ, обнаружили наличие стереотипов и норм поведения в различных социумах. Особенно это относится к негативным аспектам, связанным с «женским» образом, которые традиционно упрекаются со стороны сообществ, не поощряются и вызывают стыд, вследствие чего подвергаются эвфемизации.

Результаты проведенного анализа позволяют выделить несколько тематических групп в эвфемистическом тезаурусе, связанных с «женским» образом.

Первую группу составляют эвфемистические номинации, которые выражают различные оценочные характеристики. Они включают концепты, которые являются отражением отношения общества к поведению и семейному статусу женщин. Некоторые из них могут иметь некомплементарный характер. В английском языке эвфемистические номинации **no better than she should be** (распутная женщина) и **not all she should be** (не такая, как все) способствуют адресанту туманно выразить отрицательное отношение к «женщине легкого поведения». Как отмечает R. Holder, данные выражения часто используются дамами «в годах» в отношении молодых женщин [\[19\]](#).

Следует отметить, что в английском языке подобные оценочные эвфемистические номинации часто сопровождаются сарказмом. Например, выражения: **fishing fleet** («рыболовная флотилия», в основном используется данное выражение для обозначения девушек брачного возраста, которые уезжали за рубеж в поисках обречь супружескую пару), **on the shelf** («залежалый товар» – используется для описания незамужней женщины, у которой практически отсутствуют шансы выйти замуж), **wallflower** (используется для описания непривлекательной молодой особы, которую не приглашают на танец) [там же].

В русском языке субститутами словоформы проститутка служат следующие эвфемистические варианты «**маргаритка, лимонка** (женщина, оказывающая услуги по оральному половому акту), **фи ста ш ка** (несовершеннолетняя проститутка, специализирующаяся на оказании услуг по оральному половому акту) и **шала, ночная бабочка, рыбка хариус**» [\[14, с. 232\]](#).

В словаре А.Ж. Омонтурдиева зафиксирован также функционально-семантический ряд эвфемизмов, имеющих принадлежность значения к проституции, это разговорные, языковые эвфемизмы вместо **жалаб** (проститутка, продажная женщина): **асл мато** (оригинальная, никак все), **анандақа** (она такая, в значении продажная), **баданфуруш** (продающая свое тело), **бебош аёл** (женщина без предрассудков), **бежо юрадиган** (легкомысленная), **безак** (украшение, в значении проститутки), **ифлос** (грязная), **йигитлар кўнглини овлаб юрадиган** (досл. охотница за мужскими сердцами), **келин бўлиш баҳтидан махрум** (досл. лишившая себя счастья быть невестой) [\[12, с. 59-64\]](#).

Вторую группу составляют эвфемистические номинации, камуфлирующие всевозможные физические недостатки женского пола. Группа эвфемистических единиц, относящихся к внешности и фигуре женщин, является весьма обширной, что объясняется повышенным вниманием, уделяемым женщинами своему внешнему виду и стремлением быть красивой. Отметим, что проблема «избыточного веса» и «полноты» является акселератором появления множества эвфемистических выражений. При описании полной женщины в английском языке в настоящее время используются концепты **«fullfigured, ample, well-**

built, built, well-fleshed, filled out, pleasantly plump, big boned» [20; 21]. Коммерческие цели и стремление привлечь внимание клиентов к покупке определенного товара лежат в основе создания подобных эвфемистических единиц, дабы не оскорбить их чувства. В основном размеры одежды для крупных дам тактично маркируются как **mature figure** (размеры для созревших), **Big Gal** (размеры для больших девочек), **woman's size** (женские размеры), **queen size** (королевские размеры) [там же].

В русской культуре отношение к понятию красоты идиосинкратично, что отличает ее от отношения англосаксонского менталитета. Так, по мнению И.А. Стернина и З.Д. Поповой, «русские в общении в основном акцентируют свое внимание на внешние факторы, что подчеркивает популярность в русской коммуникативной культуре комплиментов внешнему виду человека» [13, с. 33]. Комплименты не попадают под сферу табу, они приветствуются, так как адекватный комплимент позволяет установить хорошие отношения с коммуникантом. Кроме того, то, что неприемлемо в английской культуре, в русской культуре вполне допустимо. Например, рассмотрим случай описания А. Вежицкой ситуации близких друзей в аэропорту (между молодым человеком и дамой):

«- *Посидела ты, старушка!*

- *А ты потолстел, мой милый!*» [3, с. 24].

Автор объясняет возможность использования прямых денотаций, так как «в русской культуре данные замечания допустимы во имя правды и связанного с правдой идеала искренности» [там же, с. 24].

В узбекском языке при обращении к полноте женщины используются следующие эвфемизмы **дўмбоқ** (упитанная), **дўндик** (пышная), **дўндикча** (пышненькая), **тўла** (толстушка), **бўлиқ** (есть за что подержаться) [9]. Также стоит отметить, что в западной лингвокультуре слово родинка означает внешний врожденный дефект на коже, но у узбекского народа родинка на лице считается символом врожденной красоты. Особенно в узбекской классической литературе этот символ восхваляется как благодать. Например, *Агар кўнглимни шод этса ўшал Шероз жонони, Қаро холига бахш этгум Самарқанду Бухорони* (Ҳофиз Шерозий). (Если осчастливит (порадует мою душу) эта красавица Шераза (название местности), за её чёрную родинку я подарю Самарканд и Бухару.).

В узбекском дискурсе мы выделили лингвоспецифическую группу, связанную с возрастом женского пола, который принято «делить на три этапа по периодическим признакам ее жизни: период юности: **қизалоқ / қиз** (девочка, девушка); взросление: **келин / рафиқа / хотин / аёл / она** (невестка, супруга, жена, женщина, мать); старость: **буви / қайнона** (бабушка, теща)» [1, с. 54]. Помимо этого, возраст выполняет функцию эвфемизации вступления в брак для женского пола, что является национальной спецификой, свойственной для узбекского народа, обладая следующими концептами «**тўлмоқ** (взрослеть), **балоғатга етмоқ** (достичь совершеннолетия), **бўйи(га) етмоқ** (достигать зрелости), **кўзга кўринмоқ** (стать видной), **кўзга ташланиб қолмоқ** (выделяться), **катта қиз бўлиб қолмоқ** (стать взрослой девушкой), **ўн олтига кирмоқ** (шестнадцатилетие), **ўн саккизга кирмоқ** (восемнадцатилетие)» [там же, с. 54].

Важно то, что в узбекской традиции, как и вообще на Востоке, замужество считается обязанностью взрослой девушки. По узбекским традициям, девушка, достигшая совершеннолетия должна выйти замуж, что считается обязанностью родителей выдать ее под венец. Конечно, говорить **эрга бериш** (выдать замуж), **эрга тегиш** (выйти замуж) в

силу речевого этикета совершенно некорректно, поэтому в узбекском языке используются исходные концепты **турмушга бермоқ** (выйти замуж), **куёвга бермоқ** (вручить жениху), **эгасига топширмоқ** (подарить хозяину), **узатмоқ** (выдать), **чиқармоқ каби**, **турмуш қурмоқ** (дословно построить брак), **турмушга чиқмоқ** (выйти замуж), **уй қилмоқ** (построить очаг).

В третью группу вошли эвфемистические номинации, обозначающие физиологические процессы и части тела женского пола. Рассматриваемая группа эвфемистических субститутов, обусловлена строгими моральными, религиозными нормами и стыдом. Приведем несколько примеров.

При описании беременной женщины следует использовать следующие лингво-прагматические максимы **expecting**, **anticipating** (ожидающая), **big** (большая, поправившаяся). Данную группу также составляют эвфемистические номинации, употребляемые женщинами, при необходимости выйти в уборную: **«to powder one's nose** (попудрить носик) и **to fix one's face** (поправить макияж). Очевидно, что подобные эвфемизмы отличаются гендерной маркировкой (мужчины не пудрят носик!), и их употребление характерно для женской речи» [\[5, с. 1034\]](#).

В русском языке мы обнаружили многочисленную группу в **(деликатном, интересном, счастливом, таком) положении, ждет аиста, на сносях, ожидает ребенка** – вместо беременной, **залететь, затяжелеть, отяжелеть, понести, потянуло на соленьенькое** – забеременеть, тогда как в узбекском языке всего лишь 4 эвфемистические номинации **буйида бўлмоқ** (в значении «быть беременной»), **гумони бор** (беременная), **донни чўқимоқ** (забеременеть), **дужон** (досл. две души в значении «беременна»).

Также эвфемистические ассоциации используются для женщин, которые собираются рожать, В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева для обозначения **туғмоқ** (рождения ребенка) используется ряд лингво-прагматических максим: **ой-куни яқин** (месяц не за горами), **ой-куни етмоқ** (достичь лунного дня), **ойга ишора қилмоқ** (указывать на луну), что означает **«туғиш арафасида** /на пороге родов», **бола кўрмоқ** (увидеть ребенка), **болали бўлмоқ** (заиметь ребенка), **бўшалмоқ** (освободиться), **вужудга келмоқ** (появиться на свет), **дунёга келмоқ** (прийти в этот мир), **келмоқкелтирмоқ** (произвести на свет), **дунё юзини кўрсатмоқ** (показать лицо миру), **енгил бўлмоқ** (облегчиться, освободиться), **хадя этмоқ** (сделать подарок) [\[12, с. 121\]](#). В «Ўзбек тили гендер хосланган эвфемизмларнинг қисқача изоҳли луғати» Ш.Гулямовой по отношению к замене словосочетания родить ребенка зафиксированы эвфемизмы: **дунёга келтирмоқ** (принести в мир, родить), **жонидан жон бунёд этмоқ** (дать жизнь, родить), **кўзи ёримоқ** (в значении родить), **ўғилкўрмоқ** (увидеть сына) [\[6\]](#).

Когда приходит время рожать, в английской лингвокультуре принято говорить **to be in a family way** (находиться в интересном положении), **bun in the oven** (ждать ребенка), **knocked up** (буквально залететь), **baby bump** (иметь живот), **in a family way** (находиться в интересном положении).

Рассматривая прямые денотации данной группы, мы обнаружили эвфемистические субституты, которые относятся к прямому обозначению полового акта. Так, в русском языке некоторые из них включают в себя следующие субституты **кобылку купить ийти/пойти**, **обсеменить кого-л.**, **отпетухать кого-л.** (часто употребляемые в контексте гомосексуальных половых актов, часто с насилием), **парить корягу** и **петушить кого-л.** (чаще всего использованные для обозначения анального полового

акта, также часто с насилием) [\[10\]](#).

Сравнивая с узбекским языком, мы обнаружили, что эвфемизация полового акта у носителей узбекской культуры ассоциируется с лингво-прагматической максимой **иш** (работа) «**ишини бажармоқ** (выполнять работу), **ишини битирмоқ** (закончить работу), **ишини қилмоқ** (делать работу)» [\[1, с. 55\]](#), семантика которых не обладает стигматизированным признаком, а наоборот, является абстрагированным, обобщенным, затемняя оттенки «грубости» и «постыдности» и эвфемистические номинации, обозначающие половые отношения без официального брака: **ёмон йўлга кирган** (вступить на дурной путь), **юриб кетган** (загулять), **юр(ади)ган** (гулящая), **ҳалол эмас** (нечистая(ый)), заменяющие постыдное понятие блуд.

В узбекской лингвокультуре под прелюбодеянием обычно понимают измену мужчины и женщины. В создании концептом, связанных с сексуальной близостью, задействованы различные поэтические приемы и метафоры, как «**бирга бўлмоқ** (быть вместе), **бирга ётмоқ** (лежать вместе), **яқин муносабатда бўлмоқ** (быть в близких отношениях), **яқинлик қилмоқ** (уединяться), **алоқа қилмоқ** (иметь связи)» [там же, с. 55] и эвфемизмы характерные для узбекского дискурса, вуалирующие девственность **қизлик** (наличие девственности): **ибо** (скромность), **ор** (честь), **номус**, **бақорат** (целомудрие), **биринчи кечалик** (первая ночь), **керакли нарсa** (необходимость), **қимматбахо нарсa** (ценность), **улуғ неъмат** (великое благословение), **бахорни кўрмаган чечак** (досл. цветок, который еще не видел весны), **бокира** (чистая в значении «девственница») [\[12\]](#).

Вообще, в узбекской традиции тема секса табуирована и в языке узбекского социума, живущего с исламскими верованиями, она не упоминается открыто. Когда необходимо упомянуть, используются различные эвфемистические единицы (графические средства типа пунктуации в письменной речи). По словам А.Ж. Омонтурдиева, «зафиксировано 140 эвфемистических способов занятия сексом» [там же, с. 50]. Следовательно, в узбекском языке говорящий чувствует себя смущенным, и в неудобном положении, когда говорит о сексуальной близости. Именно эта национально-культурная норма создала потребность в завуалированном выражении сексуального поведения.

Существует различие в отношении к выражению сексуальных понятий в английской, русской и узбекской лингвокультурах. В английской и русской культурах можно открыто обсуждать данную темы, однако в узбекской культуре она находится под строгими рестрикциями. Узбекский народ, который придерживается древних традиций, романтические отношения между мужчиной и женщиной за пределами брака недопустимы. Из-за этого в нравственных нормах узбекского народа не допускается открытое и прямое обсуждение формы и содержания интерсексуальных отношений.

Так, можно выделить метафорические эвфемизмы, связанные с табуированными частями тела, и отметить, что они более распространены в русской и узбекской лингвокультурах, нежели в английском, поскольку в них образ мышления познание мира основывается больше на метафорах, то есть наблюдение начинается с самоузнавания сходных и неподобных вещей и группировки их в определенные категории на основе последовательности.

Так, эвфемистические номинации русского языка обладают субститутами, которые образуются путем переноса названий растений и животных, использующиеся для обозначения полового акта и ягодич, например, имена животных (**хомячок в норку**, **птенчик в гнездышко**, **соловей и попугай**), эвфемизируются названиями растений (**мохнатая роза любви**, **эдельвейс**). Также, мы обнаружили прямые субституты,

связанные с именами женских половых органов (например, **Люся** и **Машка**) и половых отношений (например, **Моника** и **Магдалина**), **бесчеремуха** (половой акт без эмоциональной составляющей, от словоформы **черемуха**), **клубничка**, **ромашка**, **земляничка** (групповой половой акт, когда участники процесса сидят в кругу, который ассоциируется подобно лепесткам ромашки) [10]. Путем использования механизма метафоры и метонимии они позволяют инсинуировать на запрещенные объекты, заменяя их исходный компонент ассоциативными связями, основанными на близости.

Узбекские концепты выражаются следующим образом **жинсий ёриқ** (сексуальная трещина), **аврат** (отличительное место женщины от мужчины), **муҳаббат ғунчаси** (бутон любви), **адоқ** (нижнее место), **андом** (не имеет прямого перевода на русский язык, значение нижнее место), **белдан паст** (ниже талии), **бошқа жой** (другое место), **бу ер** (это место), данные эвфемистические номинации применяются в официальной и вежливой речи, чтобы адекватно называть женскую грудь и влагалище женщин, которые являются табуированными.

В русском языке для обозначения женской груди используются лингво-прагматические максимы, которые включают в себя значения **вислихи** и **колыхание**. В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева определена небольшая группа эвфемизмов **бўйиндан қуйи** (ниже шеи), **кўкс** (грудь), **кўкрак** (грудь), **сут беги** (молочные железы), **эмизик** (грудь) и **кўкрак** (грудь) [12].

Среди примеров прямых значений, которые обсуждаются в русском языке, в качестве единичных концептов можно привести названия ягодичных, таких как **курсанка**, образованного от жаргонного слова «курсать» - означающего «испражняться» (относящегося к ягодичам и анусу), а также **седло**, **сиделище/седалище**, **сиделка** [14].

В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева **юмшоқ жой** (мягкое место), заимствованное с русского языка в условиях межкультурной коммуникации; **дум**, **думба** (имеет перевод как жир, но имеет значение – ягодича), **кет** (задница), **орқа** (зад, нижняя часть от спины), **оралиқ ва орқа чиқарув** (промежуточный и задний проход), **юмшоқ жой** (мягкое место), **ўша ер** (то место) [12].

Вывод, представленные факторы и изучение эвфемистических номинаций в системе разнотипных языков подтверждают наше мнение о том, что эвфемизация свойственна идиосинкратический, национально-культурный фон, поскольку соотношение между кодифицированными и некодифицированными элементами почти во всех случаях обладают национально-специфическими признаками. Так, например, процесс эвфемизации в одной культуре может определяться, «как слабо кодифицированный, в другой культуре является «некодифицированным» [7, с. 279]. Следовательно, то, что дифференциальные тематические группы в западной культуре могут быть не подвержены процессу эвфемизации, в восточной они будут обладать процессом табуирования данной темы. Е.В. Тронева отмечает, что «поскольку традиционно считается, что у англичан не принято выражать сильные чувства, а наоборот, является социально приемлемым их подавлять, проявления гнева тщательно эвфемизируются» [16, с. 50-57].

4. Заключение

Гендерно-вежливые концепты, которые возникли в рамках политкорректной идеологии, способствуют сохранению ментального пространства коммуниканта, признавая права женщин и выражая уважение. Они предотвращают оскорбления, но не обязательно являются искренними выражениями симпатии и интереса, скорее, как показал анализ

исследования это формальные и этикетные конструкции.

В результате проведенного анализа было выявлено, что прямые значения узбекских, русских и английских эвфемизмов семантического поля гендер (женского) объединяются в сходные группы, что позволяет сделать вывод об одинаковых когнитивных основах номинативных пространств в исследуемых языках. Отличительные черты обнаруживаются, во-первых, в неодинаковом количественном соотношении заменяемых наименований в рамках отдельных групп, во-вторых, с точки зрения содержания в эвфемистических номинациях национально-культурной информации, проведенный анализ подтверждает, что эвфемистические номинации, являющиеся языковыми универсалиями, приобрели уникальные характеристики в контексте мотивации их возникновения, а также в процессе развития общества. Они определяются ключевыми концепциями конкретной лингвокультуры, менталитетом и влияют на них исторические, экономические и культурные факторы. В узбекском языке она проявляется, во-первых, в семейных отношениях члены семьи мужского пола именуют женский пол определенными словоформами, во-вторых, при выявлена категория эвфемистических единиц речевой этики при наименовании возраста женского пола, наименования при вступлении в брак, в-третьих, тема сексуальных отношений сильно табуирована, то, что открыто обсуждается в сравниваемых дискурсах, в последнем имеет существенный запрет.

Таким образом, лингвокультурологическая информация, представленная в эвфемистических номинациях, может быть выражена двумя уровнями выражения - эксплицитном и имплицитном. На эксплицитном уровне происходит накопление знаний о конкретной лингвокультуре через семантику культурно-специфических номинативных областей процесса эвфемизации. Второй уровень выражения диктует выполнение этимологического анализа механизмов лингвистической реализации эвфемистического значения, особенно литературных троп (метафора и метонимия), которые содержат информацию о традициях, верованиях, суевериях, быте и истории определенной нации. В итоге следует отметить, что данное исследование имеет ограниченный характер, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования и рассмотрения.

Библиография

1. Алимов Т.Э. Национально-культурная специфика эвфемизмов (на материале русского и узбекского языков) // Современный ученый. 2023. – №. 2. – С. 50-58.
2. Васильева О.А. Реализация максим вежливости в английском и русском диалогах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.А. Васильева. – Уфа, 2000. – 158 с.
3. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке //Русский язык в научном освещении. – 2002. – Т. 2. – №. 4. – С. 6-34.
4. Вильданова, Г. А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект: монография / Г. А. Вильданова. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 162 с.
5. Вильданова Г. А. Эвфемизм как средство реализации гендерной вежливости в современном английском языке //Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – №. 4. – С. 1032-1035.
6. Гулямова Ш. Ўзбек тили гендер хосланган эвфемизмларнинг қисқача изоҳли луғати [Матн]. – Тошкент: Akademnashr, 2019.
7. Жельвис В. И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств //Социальная психоллингвистика. – 2007. – С. 278-322.
8. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е.П. Иванян. – 4-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 121 с.
9. Исматуллаев Н. Эвфемизмы в современном узбекском языке: Автореф. дисс. ... канд.

филол. наук. – Ташкент, 1964. – 153 с.

10. Ковшова М. Л. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов // Семантика и прагматика эвфемизмов. Москва: Гнозис. – 2007. – С. 279-317.

11. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

12. Омонтурдиев А.Ж. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. – Тошкент. 2006. – 134 б.

13. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие. 2-е изд-е, перераб. и доп. Москва: Восток-Запад, 2006. – 285 с.

14. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

15. Солиева Ф.С. Культурные народные традиции: национальное и общечеловеческое в сознании личности: Автореф. дис. докт. философ. наук. – Ташкент, 1994. – С. 32-33.

16. Тронева Е. В. Эвфемистическая лексикализация концепта «гнев» в английской лингвокультуре // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. – 2009. – №. 39. – С. 50.

17. Шерматова Г.Ш. Духовные ценности национальных культур и нравственное воспитание личности / Культура и нравственное совершенствование личности. – Ташкент, 1984. – С. 234.

18. Allan K., BurrIDGE K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.

<https://doi.org/10.4000/lexis.1633>

19. Holder R. W. Dictionary of euphemisms. – Oxford University Press, USA, 2008. – 501 p.

20. Chambers J. K. Sociolinguistics // The Blackwell encyclopedia of sociology. – 2007.

<https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeoss204>

21. Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction to language and society. – Penguin UK, 2000. – 222 p.

22. Watts R. J. 2. Linguistic politeness and politic verbal behaviour: Reconsidering claims for universality // Politeness in language: Studies in its history, theory and practice. – 2019. – Т. 59. – С. 43-60.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегмент лингвистических вопросов последние два-три года расширяется в должной парадигме знаний. Появляются и новые изводы данных, дополняются и те, которые уже были исследованы, но не полностью. В частности, это касается и эвфемизмов, этого не столь понятного и доступного для оценки процесса. Как отмечает автор, «в настоящее время не существует сомнений в том, что на языки влияет культура, традиции, религия, психологическая ориентация и другие социальные факторы народов. Любое развитие в одной из этих областей будет отражаться в выразительном инструменте – языке. Одним из культурных отражений в языке является попытка говорящих или пишущих скрыть определенные слова или выражения, запрещенные в общественных местах отдельными людьми, социумом или религией. Этот процесс и есть то, что лингвистически называется эвфемистической единицей». Бесспорен этот факт, но и расширение подобной мысли также возможно и правильно. Причем факторы эвфемизации наиболее интересны в данном случае. «Исследование эвфемии, в первую очередь, связано с прагматическими принципами, которые служат основой порождения эвфемистических номинаций. Само определение эвфемизма подчеркивает, что основной мотивацией для говорящего

использовать эвфемистические единицы является вежливость. Вопрос вежливости является одной из важнейших и продуктивных областей исследований в прагматике и социолингвистике». Материал оригинален, нов в плане сопоставления трех языковых систем, причем дистантных относительно друг друга. Следовательно, работа явно претендует на значимый грейд условий реализации научной мысли. Стиль сочинения соотносится с научным типом, терминология выверена: «сопоставляя эвфемию и вежливость, Г.А. Вильданова приходит к выводу, что они не являются синонимами, «вежливость стимулирует использование лишь определенных групп эвфемизмов. В некоторых случаях вежливость является «магистральным» фактором, диктующим использование эвфемизмов, в некоторых – она выступает как «сопутствующий», второстепенный, и мы можем наблюдать комбинаторность нескольких факторов», или «использование традиционных эвфемистических номинаций, которые широко распространены в рекламе, художественной литературе и СМИ, обнаружили наличие стереотипов и норм поведения в различных социумах. Особенно это относится к негативным аспектам, связанным с «женским» образом, которые традиционно упрекаются со стороны сообществ, не поощряются и вызывают стыд, вследствие чего подвергаются эвфемизации. Результаты проведенного анализа позволяют выделить несколько тематических групп в эвфемистическом тезаурусе, связанных с «женским» образом» и т.д. Примеры, которые включает автор в текст статьи достаточно уместны и интересны: например, «в узбекском дискурсе, в семейных отношениях члены семьи мужского пола строго имеют уважение среди женского пола, тем, что «религиозные воззрения и традиции воспитания в узбекской семье обязывают мужчин быть кормильцами для женщин, и в обмен на поддержку женщины должны быть послушными и служить своим мужьям, отцам и сыновьям. Они должны сохранять девственность, а после замужества верность, целомудрие и полная преданность своим мужьям являются предпосылками для обеспечения содержания. Женщины считаются слабыми и легко подавляемыми мужчинами. Поэтому они нуждаются в защите от сильных желаний мужчин», в связи с чем нашли отражения некоторые концепты, которые отсутствуют в русском и английском языках. Они относятся к табуированным личным именам (муж, тесть, свекровь и зять) в семейных отношениях и запрещают их использование. Так, первичным концептом хотин (жена) являются умр йолдоши (спутница жизни), жуфт халол (пара), аёл (жена), (невеста), келинтурмуш ўртоғи (супруга). У жен также есть несколько исходных номинаций, таких как: онаси (мать моих детей), рафиқам (моя любимая), болларим (моя семья), турмуш ўртоқ (спутница моей жизни), жуфти халолим (моя вторая половинка). Английские мужчины называют своих жен my sweetest или my sweetie», или «в русском языке для обозначения женской груди используются лингво-прагматические максимы, которые включают в себя значения вислихи и колыхание. В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева определена небольшая группа эвфемизмов бўйиндан қўйи (ниже шеи), қўкс (грудь), қўкрак (грудь), сут беги (молочные железы), эмизик (грудь) и қўкрак (грудь)» и т.д. Основной блок соотносится с выводами, в частности автор тезирует, что «лингвокультурологическая информация, представленная в эвфемистических номинациях, может быть выражена двумя уровнями выражения – эксплицитном и имплицитном. На эксплицитном уровне происходит накопление знаний о конкретной лингвокультуре через семантику культурно-специфических номинативных областей процесса эвфемизации. Второй уровень выражения диктует выполнение этимологического анализа механизмов лингвистической реализации эвфемистического значения, особенно литературных троп (метафора и метонимия), которые содержат информацию о традициях, верованиях, суевериях, быте и истории определенной нации. В итоге следует отметить, что данное исследование имеет ограниченный характер, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования и

рассмотрения». Тема работы, так или иначе, манифестирована, аргументирована и разобрана; считаю, что цель исследования достигнута, фактических противоречий в работе не выявлено. Предметная область актуальна, думается, что материал может быть интересен тем, кто занимается изучением природы эвфемизмов. Рекомендую статью «Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков)» к открытой публикации в журнале «Litera».